ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

МИР ПИСАТЕЛЯ

"Вставай, страна огромная!.."

Станислав КУНЯЕВ

За всю свою тысячелетнюю историю Россия пережила около двухсот больших и малых войн, из которых несколько назывались "нашествиями". Татаро-монгольское нашествие и последующее полуторавековое иго. Нашествие Мамая с его разноплемённым полчищем и Куликовская битва. Польско-шведско-литовское нашествие начала XVII века, отражённое ополчением Минина и Пожарского. Нашествие наполеоновской армады двунадесяти языков. Нашествие Антанты в эпоху гражданской войны. И, наконец, Великая Отечественная война 1941-1945 годов.

Великая поэзия Великой войны

"Нашествиями" народ называл те войны, в которых против России объединялось несколько государств и народов. Поэтому отражение подобных нашествий требовало от народа и власти предельного или даже беспредельного напряжения всех духовных, военных, государственных и экономических сил. Ни в одном европейском языке применительно к понятию "война" нет слова "нашествие". Оно живёт, к сожалению, только в русской речи. Поэтому от русской литературы, от её поэтов, прозаиков, публицистов, авторов песен требовалась предельное идеологическое и духовное обеспечение этой борьбы за *"свободу и независимость нашей Родины"*, и древнеримское изречение: "когда гремит оружие, музы молчат", – ни в коем случае не относится к истории нашего Отечества. Нет худа без добра, – эпохи нашествий обогащали нашу литературу.

Героический звук в письменной русской поэзии впервые прозвенел в "Слове о полку Игореве". Через два века он повторился в "Задонщине". Отечественная война 1812 года отразилась в поэзии Жуковского, Дениса Давыдова и Рылеева, в оде юного Пушкина "Воспоминания в Царском Селе" и в его же стихотворном послании европейским "Клеветникам России":

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Им место есть в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

От Пушкина героическое эхо Бородинской битвы долетело до Лермонтова, воспевшего поединок наёмников наполеоновской армады со смертниками Михаила Кутузова:

И молвил он, сверкнув очами:
"Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой...".

Трагическая советская эпоха, естественно, продолжила эту героическую традицию. Однако в 30-е годы характер будущей войны, близость которой была очевидной для всех крупнейших политиков мира, был не до конца ясен и советскому руководству, и творческой интеллигенции.

В 1939 году мне было 7 лет, но я помню песни и стихи того времени, в которых речь шла о приближающейся войне. Одни поэты по инерции воспевали её как продолжение мировой революции: *"Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать..."* Или: *"Но мы ещё дойдём до Ганга, но мы ещё умрём в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!"*. Другие утверждали "оборонное" сознание. Идеология мировой революции к этому времени уступила новой цели: "построению социализма в одной, отдельно взятой стране". Узнав об этой смене политического курса, Лев Троцкий обвинил Сталина и партию большевиков в предательстве дела мирового пролетариата. Но советские поэты уже расстались с этой химерой, осознав, что единого "мирового пролетариата" не существует.

"Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути"; *"если завтра война, если завтра в поход, если тёмная сила нагрянет, как один человек, весь советский народ за свободную Родину встанет"; "но сурово брови мы нахмурим, если враг захочет нас сломать"; "чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим"*. В этих стихотворных афоризмах эпохи отразилась её оборонная идеология. Читаешь их и понимаешь, что советское руководство не только не желало войны, но старалось всеми силами избежать её, понимая, что мы ещё не готовы к ней. Правда, иные поэты ещё сочиняли песни о "лихих танках", о том, что *"по дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведём"*, но эта отрыжка гражданской войны уходила в прошлое. Руководство страны уже понимало, что будущая война – это война моторов, и потому песня *"Три танкиста, три весёлых друга – экипаж машины боевой"* стала главной песней предвоенных лет, как и песня на слова Юрия Германа *"Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ"*...

И тем не менее, 22 июня грянуло, как гром среди ясного неба.

Есть две точки зрения на то, почему первые месяцы войны стали катастрофическими для нас. Одна из них гласит, что руководство страны во главе со Сталиным растерялось, выпустило вожжи из рук, проморгало дату начала войны, что оно к 1941 году сумело мобилизовать лишь 5 миллионов солдат и офицеров против 8 миллионов, стоявших под знамёнами Рейха.

Другую точку зрения изложил Георгий Жуков в 1972 году: *"Германия по всем статьям тогда была лучше готова к войне, чем мы. Мы в академиях военных учились у Клаузевица, Мольтке, Шлиффена. Прусский офицер – это целая каста, немецкий солдат покорил Европу. Немецкая техника была лучше нашей. Мы весной 1941 года только запустили в производство танк Т-34, штурмовик Ил-52, реактивный миномёт "катюша". Мы войной обучались. Но, – добавил Жуков, – мы победили потому, что у нас был храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину"*. К этим словам Жукова можно добавить ещё то, что этот солдат был подготовлен к войне советской школой, советской историей, советским кино, советской поэзией, советской песней.

* * *

Идею расового превосходства арийцев над "славянами" и другими народами СССР можно было победить только другой, понятной для всего народа идеей Родины-матери, идеей исторического и социалистического братства народов СССР, идеей православной христианской общности. И недаром 22 июня сразу после речи Молотова по согласованию с бывшим семинаристом и поэтом Иосифом Сталиным с проникновенным словом к народу выступил патриарший местоблюститель Сергий.

"Повторяются, – сказал он, – *времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени <...>. Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину, вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов"*.

А 7 ноября 1941 года Сталин, выступая перед участниками парада на Красной площади, добавил к именам Александра Невского и Дмитрия Донского имена Суворова, Кутузова, Минина и Пожарского и поставил их всех *"под знамя великого Ленина"*, поскольку понимал, что для победы над таким могучим врагом необходимо единство *"русского"* и *"советского"*.

Война властно сблизила церковь с высшей государственной элитой, обнажила для власти и для писателей православную сущность русского простонародья, не подчинившуюся идеологии государственного атеизма, насаждаемого до середины 30-х годов Емельяном Ярославским (Минеем Губельманом) и его опричниками; любимец Сталина, и поэтому поэт советского русского офицерства Константин Симонов одним из первых запечатлел опору на веру православную уже в самом начале войны.

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слёзы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали:
"Господь вас спаси!" –
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт,
на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь,
наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, всё-таки родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами *их русских могил...*

В этом стихотворении все явления природы, все деяния людей, все приметы быта – дороги Смоленщины, злые дожди, кринки с молоком, женские слёзы, дорожные вёрсты, деревни с погостами, кресты на могилах, русские околицы, всё рождённое, ушедшее в прошлое и живущее в настоящем, – всё готовится вместе с нашими отступающими солдатами выстоять, вернуться и победить.

Вот что такое народная война. Таких войн никогда не знала Европа. И не случайно ещё и то, что слова *"на великой Руси", "вся Россия сошлась", "за каждою русской околицей", "с простыми крестами их русских могил"*, наполнившие стихотворение, предугадывали, что главной скрепой начавшейся борьбы за "свободу и независимость нашей родины" будет русская скрепа. Наши поэты с первых дней войны почувствовали, что столь могущественного врага можно победить, лишь следуя древней истине – "смертью смерть поправ", и после этого их речь естественно обрела черты бесстрашного трагического достоинства: *"вставай на смертный бой", "смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою", "а коль придётся в землю лечь, так это только раз..."*.

Сотни писателей в первые же дни войны ушли добровольцами на фронт и в народное ополчение. Подлинным подвигом стало создание поэтом Василием Лебедевым-Кумачом и композитором Александровым песни "Священная война", написанной в ночь с 22 на 23 июня 1941 года.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

В истории человечества был лишь один случай, подобный этому. Во время Великой французской революции поэт Руже де Лиль за одну ночь сочинил в Марселе "Марсельезу", ставшую гимном Франции на вечные времена: *"Вперёд, Отечества сыны! День славы наступил..."*. Но нашим людям тогда было не до славы... И какой циничной ложью полны вопли нынешних фальсификаторов истории о том, что наша война была всего лишь войной двух тоталитарных систем, войной Сталина и Гитлера, следовательно, она и не "отечественная", и не "священная". Эти антисоветские русофобские шавки не могут понять даже того, что наша война была не просто советско-германской, но войной всей нападающей континентальной Европы с обороняющейся российской Евразией. По окончании войны в наших лагерях для военнопленных было около четырёх миллионов солдат III рейха. Из них два с половиной миллиона немцев, один миллион пленных были солдатами стран, официально объявивших нам войну – венгров, румын, итальянцев, финнов, норвежцев, словаков, и полмиллиона были добровольцами из стран, официально не воевавших с нами, – испанцев, чехов, французов, хорватов, бельгийцев, поляков, голландцев, датчан. Вся континентальная Европа – а это 350 миллионов населения! – была мощным тылом, работавшим на гитлеровскую военную машину, снабжавшим многомиллионную армию III рейха оружием, продовольствием, обмундированием, транспортом.

Все немецкие танки производились в Чехии, и экипажи "Тигров" были укомплектованы чехами. Добровольцы из гитлеровского Евросоюза вступали в вермахт потому, что знали: после победы все пространства Советского Союза станут колонией для объединённой коричневой Европы и, разумеется, для их собственных стран. В гитлеровском плане "Ост" политика в области сельского хозяйства определялась так: *"Производство продовольствия в России будет включено в европейскую систему, поскольку Западная и Северная Европа голодают... Германия и Англия нуждаются в ввозе продовольствия"*. (Англичане для Гитлера, несмотря на то, что Англия была в состоянии войны с Германией, были арийцами, в отличие от "унтерменшей"-славян.) Все разговоры о том, что наши пленные зверски уничтожались в немецких лагерях лишь потому, что СССР не подписал до войны какое-то соглашение с Международным Красным Крестом – ложь наших либералов. Какой там Красный Крест, если высшая раса вступила в борьбу с "недочеловеками"! Уничтожение всей нашей жизни, культуры, истории, всей цивилизации – вот каковы были планы фашистской Европы, и русская поэзия почувствовала эту смертельную угрозу с первых дней войны. Поэты старшего поколения и так называемого Серебряного века, даже те, кто ненавидел Октябрьскую революцию и совдепию, вдруг почувствовали себя русскими патриотами. 23 февраля 1942 года Анна Ахматова, молчавшая до войны много лет, сочинявшая "антисталинский" "Реквием", отозвалась стихотворением "Мужество":

Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём
И внукам дадим, и от плена спасём.
Навеки!

Стихи сразу же были опубликованы в газете "Правда". Александр Вертинский, знаковая фигура Серебряного века, к тому же эмигрировавший из СССР, прославил великий подвиг народа, который взволновал его русскую душу, и написал стихотворение о Сталине, казалось бы, немыслимое для его эмигрантского окружения:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад,
Сколько стоил ему Севастополь!
Сколько стоил ему Сталинград!..
.....
И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашёл он таких генералов
И таких легендарных бойцов?

Он взрастил их. Над их воспитаньем
Долго думал он ночи и дни,
О, к каким грозовым испытаньям
Подготовлены были они!..
.....
...Тот же взгляд, те же речи простые,
Так же скупы и мудры слова...
Над разорванной картой России
Поседела его голова.

Борис Пастернак – тоже рафинированное дитя Серебряного века. В 1944 году он побывал после Курской битвы на освобождённой Орловщине и написал цикл стихотворений о героизме солдат и мучениях народа в оккупации, а в комментариях к стихам добавил: *"Победил весь народ сверху донизу, от маршала Сталина до рядовых тружеников"*.

А ещё один знаменитый эмигрант – нобелевский лауреат Иван Бунин – сделал запись в дневнике 1943 года, когда Сталин уезжал в Тегеран на встречу с Черчиллем и Рузвельтом: *"Думал ли я, что сейчас, когда Сталин находится на пути в Тегеран, я буду с замиранием сердца переживать, чтобы с ним ничего не случилось"*.

После войны, в 1946 году Бунин сказал Константину Симонову: *"22 июня 1941 года я, написавший всё, что писал до этого, в том числе "Окаянные дни", я по отношению к России и к тем, кто нынче правит ею, навсегда вложил шпагу в ножны"*. А во время ещё одной встречи с Симоновым после войны Бунин предложил тост: *"Выпьем за великий русский народ – народ-победитель – и за полководческий талант Сталина!"*. Проживший в эмиграции на Западе более 20 лет истинный патриот России Бунин прекрасно понимал, что эта война есть нашествие, есть небывалое до сих пор по целям и масштабам очередное нападение на Россию хищного Запада, который не может терпеть существования рядом с ним чуждого и ненавистного ему мира. Он, в отличие от власовцев, понимал, что цель войны – не просто захват Москвы или смена режима, а уничтожение или превращение русского мира в пассивную питательную среду для Запада. (Ситуация, в некоторой степени похожая на сегодняшнюю.) Без полной самоотверженности, без священного чувства ненависти победить такого мощного врага было невозможно. Вот почему Шолохов пишет очерк "Наука ненависти", вот почему Эренбург с Константином Симоновым в своих стихах и статьях призывают и армию, и весь народ: "Убей немца!".

Газетный вариант, полностью статья опубликована в ноябрьском номере “Нашего современника” и на нашем сайте.

Зачем нужны неудобные люди?

Эдуард ПЕТРЕНКО

О публицистической правде писателя Андрея Канавщикова

Говорят, что на так называемых неудобных людях весь мир держится. Дескать, категория таких людей является своеобразным катализатором нашей жизни и неизменным двигателем общественного прогресса. И тогда невольно возникает вопрос: а что в принципе отличает этих представителей "homo sapiens" от нормальных людей? Может быть, всего лишь та энергия одержимости, с которой они всегда идут против течения, наперекор устоявшимся стандартам и нормативам нашего бытия? Или стихия этих людей – постоянный и отчаянный вызов загнивающей повседневности, поиск той абсолютной правды, излишек которой, по мнению обывателей, приносит человеку всего лишь "головную боль"?

Врачи утверждают, что абсолютная стерильность воздуха, пищи, воды, эмоций также вредна, как и загазованный воздух, хлорированная вода, немытые овощи и присутствие в них ГМО. По мнению специалистов, наш организм для укрепления иммунной системы должен иметь постоянные раздражители (внутренние или внешние), дабы поддерживать в себе полноценное и адекватное сопротивление этим микробам. Это утверждение, конечно же, нельзя принимать за аксиому, а, скорей всего, к нему нужно относиться с философской умудрённостью. И, может быть, проблему "неудобных людей", в какой-то мере разрушающих "стерильность" общественного сознания, стремящихся как бы взорвать окружающее нас "болото" бытийных стереотипов и штампов, нужно воспринимать как закономерное общественно-историческое и генетическое явление?..

Например, разве был "удобным человеком" для философов-оппонентов Древней Греции Аристотель со своей "Поэтикой", ставшей настоящим вызовом идеалистической системе Платона и открывшей совершенно новый взгляд на эстетическое содержание художественного творчества? Или тот же подвижник-астроном Коперник, который в эпоху Возрождения положил начало первой научной революции и разработал гелиоцентрическую систему мира? А вот в жизнь древнеизраильского царя Давида явный дискомфорт внёс ветхозаветный пророк Нафан, который своей мудрой притчей обвинил царя в тяжком грехе, когда тот обманом и подлостью завладел чужой женой ("не желай жены ближнего твоего"). Таких аналогий в истории человечества можно привести сколько угодно. Но разве эти, на первый взгляд, "неудобные подвижки" отдельных личностей, наделённых талантом и оригинальным мышлением, в конце концов не приводят к социальному и культурному прогрессу?

Журналист и писатель Андрей Канавщиков, безусловно, "неудобным человеком" себя не считает. Но прочитайте хотя бы его публицистические книги "Цивилизация троечников" *(Великие Луки: "Рубеж", 2008)* и "Прямой репортаж из Вавилона" *(М.: "Беловодье", 2015)*, написанные в остром полемическом стиле, иногда доведённом до гротеска, где любая проблема нашей жизнедеятельности рассматривается в ракурсе скрупулёзного, беспощадного анализа и типологического обобщения. И вы поймёте, почему его неприкрытая позиция "правдолюбца" для рядового обывателя и власть предержащих часто кажется "неудобной" и даже откровенно осуждающей…

А Канавщиков, показывая "голого короля" в его реально-вызывающей обнаженности, практически ничего нового не придумывает. Он просто следует главному принципу своего творчества – "резать правду-матку", поиски которой, по его мнению, несут в себе глубинные нравственные корни всей русской истории и, особенно литературы девятнадцатого века, которая, как никакая литература в мире, сумела поставить и мучительно пыталась ответить в агонизирующей феодально-крепостнической России на три сакраментальных вопроса: "Кому на Руси жить хорошо?", "Кто виноват?" и "Что делать?"...

Вот небольшая главка из книги "Цивилизация троечников" с броским, интригующим названием – "Министерство правды добралось до маршала Жукова". Речь в ней идёт о заметке восьмилетней давности в "Российской газете", где журналист "Комсомольской правды" Василий Песков вспоминает о встрече с легендарным маршалом, произошедшей в 1970 году, накануне 25-летнего юбилея Победы над фашистской Германией. Причём, редакция, нисколько не смущаясь, делает несколько витиеватую приписку, дескать, сегодня газета вынуждена опубликовать это интервью... с незначительными сокращениями.

Эти редакционные "сокращения" и насторожили опытного журналиста Канавщикова. Он почувствовал, что пахнет элементарной политической конъюнктурой, и распоясавшаяся демократия с её "министерством правды" всё чаще начинает "корректировать" историю войны и её итоги в выгодном для себя свете, преднамеренно искажать истоки гражданского пафоса советского народа в победе над фашизмом.

Канавщиков сравнил имеющийся у него первоначальный текст интервью Пескова и урезанный вариант в "Российской газете". Как и ожидалось: "министерство правды" поработало на славу. Вот как выглядел один из вырезанных сейчас фрагментов текста в "Комсомольской правде" за 27 апреля 1970 года:

"Песков: – *Георгий Константинович, прошло двадцать пять лет со дня окончания войны с фашизмом. Что бы вы сказали о значении Победы молодым людям сегодня?*

Жуков: – Мы схватились с фашизмом, когда почти вся Европа была им повержена. Мы оставались для многих людей и наций последней надеждой. Для нас самих эта схватка была величайшим испытанием. Проверялись жизнеспособность нашей социальной системы, нашей коммунистической морали, сила нашей экономики, единство наций, словом, всё, что было построено после 1917 года... Мы победили. Армия наша не только смела захватчиков со своей земли, но и освободила от фашизма всю Европу. Колоссально вырос в мире авторитет нашего государства. У миллионов людей на земле укрепилась вера в социалистический строй. Вот что значит наша Победа...".

Развенчивая пресловутые принципы "свободной буржуазной печати", Канавщиков беспощаден в оценках всевозможных подтасовок и фальсификаций истории: "Немудрено, что подобный текст был стыдливо удалён. Не только маршал Жуков, но никто сейчас, по мнению сотрудников нашего доморощенного "министерства правды", не имеет права говорить о том, что вообще-то воевали мы за социалистическое Отечество, за нашу Советскую Родину, воевали в содружестве всех наций и народов... В окопах Сталинграда русские Ваньки жизни клали не за процветание Абрамовича и Прохорова. Блокадники Ленинграда терпели лишения и умирали миллионами не для того, чтобы наши нефть и газ продавали за американские бумажки и хранили их в банках США. Александр Матросов грудью лёг на амбразуру вражеского дзота не для того, чтобы его ровесники могли сегодня до блевотины упиваться продвинутым иностранным пивом. Николай Гастелло направил свой горящий самолёт в гущу вражеской колонны танков не для того, чтобы по России сегодня сотнями тысяч кочевали беспризорники, умирали под заборами бомжи, а девушки рождались для заграничных борделей...".

Вообще тема заведомой лживости и политической ангажированности современной "свободной" прессы является одной из главных в публицистических выступлениях Канавщикова. И как раз здесь проявляется характерная особенность его творческой манеры, с её постоянной устремленностью к конкретике и актуальности, отсутствием голословности и излишних эмоциональных пассажей. Эта особенность наиболее ярко прослеживается в освещении пресловутой проблемы "сталинизма" в книге "Прямой репортаж из Вавилона", где Канавщиков выбирает очень "неудобный", бескомпромиссный ракурс для своих политических оппонентов. Уже первая фраза из главы "Тем ближе Сталин" показывает "бойцовский дух" автора, его точный полемический прицел и непримиримую идеологическую позицию: "Парадоксальное явление: чем больше Сталина пытаются очернить или каким-то образом "десталинизировать", чем откровеннее его сбрасывают с парохода современности, тем явственнее и весомее проступает из прошлого величественная фигура этого подлинного государственного деятеля...".

Сделав такое "открытое заявление", автор статьи не уходит в сухую академическую полемику со своими оппонентами из "министерства правды". Он старается показать И.В. Сталина в многочисленных ракурсах его общественно-политической и государственной деятельности. При этом Канавщиков в своих рассуждениях всё время опирается на одну и ту же мысль: без адекватной оценки фигуры Сталина невозможно сколько-нибудь глубоко понять советскую эпоху в целом.

Так, в 1946 году Сталин в своём выступлении перед избирателями дал оценку Великой Победы над фашизмом, опираясь на точный скрупулёзный социально-экономический анализ предвоенной обстановки в СССР:

– Можно ли утверждать, что перед вступлением во вторую мировую войну наша страна уже располагала минимально-необходимыми материальными возможностями для успешного вооруженного отпора иностранному агрессору? Я думаю, что можно утверждать. На подготовку этого грандиозного дела понадобилось осуществление трёх пятилетних планов развития народного хозяйства. Во всяком случае, положение нашей страны перед второй мировой войной, в 1940 году, было в несколько раз лучше, чем перед первой мировой войной в 1913 году...

Вдумываясь в аргументированную и доказательную публицистику Канавщикова, невольно начинаешь понимать: только враждебно-пренебрежительное отношение к идейно-историческому наследию И.В. Сталина может порождать в современной либеральной историографии грязную волну "антисталинизма", на которой происходит, по мнению писателя, "планомерное и осмысленное превращение реального государственного деятеля и мыслителя в некую лубочную фигуру без корней и истинного содержания...".

Почему же сегодня происходит такая наглая и оголтелая фальсификация истории? "Непримиримый и неудобный" писатель-публицист Канавщиков видит три главных причины этого порочного явления. Во-первых, надуманные, сфабрикованные фальшивки по истории России появляются для того, чтобы предельно запутать и дезориентировать общественную мысль, сделать из нас "Иванов, не помнящих своего родства", свести многие проблемы современного общества к неразрешимым конфликтам, порождающим в людях озлобление, страх и неверие в завтрашний день.

Во-вторых, изготовление таких фальшивок становится сегодня не только модным хобби, но и выгодным, высокооплачиваемым бизнесом, в котором явно заинтересована высшая политическая закулиса. И в-третьих, современная буржуазная бюрократия как огня боится исторической правды. Потому что даже на фоне того же "сталинизма", со всеми его позитивными и негативными явлениями, отчётливо просматривается убогость современной модели управления страной, всё несовершенство грабительской либерально-рыночной экономики.

Особо заметна эта "убогость" управления сегодня, когда нынешний год с превеликой помпой объявлен Годом литературы. Анализируя и показывая литературный процесс в современной России, писатель Канавщиков с неподдельной горечью замечает: "С крушением СССР произошло разрушение как централизованного книгоиздания с обширной системой распространения печатной продукции, а, значит, и значительное ущемление диалога писателя и читателя. То есть, сам факт написания хорошего произведения сейчас уже совершено ничего не гарантирует. Это произведение вполне может пройти мимо литературных журналов, альманахов, даже интернета, чтобы, наконец, в лучшем случае быть изданным на собственные деньги автора тиражом 100-200 экземпляров...".

И здесь с новой силой возникает проблема востребованности писателя и литературы в современной России. Кому сегодня нужен талантливый, но "нераскрученный" писатель, без идеологических и финансовых покровителей, без прочных корпоративных связей? Разве книга такого писателя, даже с трудом изданная на собственные деньги, когда-нибудь попадёт на книжные полки и станет достоянием читателя? Вот поэтому книжные магазины мегаполисов и забиты сегодня разнообразным "чтивом" Виктора Пелевина, Дарьи Донцовой, Владимира Сорокина и других "элитных" писателей, успешно отрабатывающих "госзаказ", как правило, обливающих грязью наше "совковое" прошлое, интригующих ожиревшего обывателя амурно-детективными сюжетами и тем самым притупляющих общественное сознание.

"Раскрученность писателя в современной России, – подводит нерадостный итог Андрей Канавщиков, – превратилась в однозначный знак некачества русской литературы. Что, кстати, является ещё одним попутным и желаемым результатом деятельности финансовых воротил от идеологии. Напрочь уничтожая не просто желание людей читать книги и следить за литературными новинками, но и запачкать саму профессию писателя, превращая его в говорящую голову издательства или финансово-промышленной группы…".

Так на какие моральные и нравственные принципы должен опираться сегодня писатель? – "Да на все разумные принципы, которые лежат в основе человеческой морали, – отвечает Андрей Канавщиков. Прежде всего, принципы добра и милосердия, справедливости и братства. Буржуазный "закон джунглей" не имеет ничего общего с нравственными принципами, он лежит уже за гранью морали, это всего лишь образ существования, где властвует биологический инстинкт самосохранения и насилия сильного над более слабым".

Все мы хорошо понимаем: Россия в который раз находится на перепутье своего развития, в котором явно не хватает духовно-нравственного начала. Есть ли выход из этого социально-политического тупика? Есть, утверждает Канавщиков: "Об этом хорошо в своих работах говорит православный философ Александр Молотков. Он напоминает всем нам, что продолжающаяся конфронтация между религией и атеизмом, православной верой и коммунистической идеей не приведёт к добру. В идейно-философском запале мы порой забываем о нравственно-духовном единстве положений марксизма- ленинизма и библейских постулатов. Не пора ли приходить к консенсусу противоборствующих сил и сделать попытку построить совершенно новый тип государства по принципам православного социализма?".